

Возродить русскую идею. Культура заложена в человеке в качестве программы действий в жизни воспитанием, образованием, окружением.

Духовность всегда была сильнейшим оружием интеллигенции. Интеллигенция – это не просто социальный слой российского общества наиболее активно мыслящей части народа, но это слой, объединяющий народ, имеющий собственные задачи в общественной жизни, обладающий высоким духовным потенциалом и, как правило, передовыми устремлениями.

¹ См.: Кант И. Соч. М., 1964. Т. 2. С. 201.

ПОБЕРЕЖНИКОВ И.В. (Екатеринбург)

Эволюционизм, неозволюционизм и модернизационная парадигма

Проблема социальных изменений принадлежит к числу центральных, ключевых в современном обществоведении. Как и почему изменяются общества, является ли процесс социальных изменений неизбежным — эти и многие другие вопросы, связанные с проблематикой социальной динамики, широко обсуждаются специалистами в области социальных и гуманитарных наук. Поскольку само социальное изменение в высшей степени многозначно, многосторонне, — ответы на поставленные вопросы могут даваться в рамках различных теоретико-методологических проекций, призванных объяснить характер и направленность изменений.

В XIX в. в русле социологии и антропологии (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Ф. Теннис, Л.Г. Морган, Э. Тайлор, Г. Мэн, Л.И. Мечников и др.) была сформулирована эволюционистская концепция социальных изменений (классический эволюционизм), в основе которой лежали: убеждение в детерминистической предопределенности социальной эволюции (неизбежное и непрерывное развитие человеческого общества обусловлено естественными механизмами) и в наличии в истории человечества единой формы, логики, которую можно распознать, чтобы затем объяснить с ее помощью сам исторический процесс; фокусировка анализа на изменения общества в целом, которое представлялось как тесно интегрированная система компонентов и подсистем, каждая из которых вносит свой вклад в воспроизводство социального организма, обеспечение его целостности и непрерывности существования; придание изменениям постоянного, необратимого и векторного характера — от примитивных к развитым формам, от простых к сложным состояниям, от гомо-

генности к гетерогенности, от хаоса к организации, от энтропии к негэнтропии; трактовка эволюции как постепенного, непрерывного, прогрессивного, кумулятивного, имманентного, раскрывающего внутренние потенции общества, гладкого (без радикальных провалов или ускорений) и линейного процесса, следующего по единому, заранее установленному маршруту, который, в свою очередь, может быть разбит на последовательные стадии, или фазы, ни одна из которых не должна быть пропущена.

Классический эволюционизм соответствовал оптимистическому настрою эпохи становления индустриального общества. Однако, эпоха мировых войн первой половины XX столетия, катастрофических по своим последствиям для человечества, раскола мира на две социальные системы, массовизации общества, роста тоталитаризма подорвала прежнюю веру в безграничный и безусловный прогресс человечества и заставила пересмотреть ранние эволюционистские представления. Под влиянием интенсивной критики со стороны приверженцев диффузионизма и теорий локальных цивилизаций, практикующих историков наивный эволюционизм растерял своих сторонников и превратился в маргинальное теоретическое течение.

Лишь в послевоенный период произошло его возрождение в модифицированной форме неозволюционизма, связанное вновь преимущественно с усилиями антропологов, игравших теперь ключевую роль (Л. Уйат, Дж. Стюард, М. Салинз, Э. Сервис, Р. Карнейро, Х. Дж. М. Классен, А. В. Коротаев и др.), и социологов (Т. Парсонс, Г. Ленски, Дж. Ленски). Обновленный эволюционизм заметно отличался от своего предшественника: на смену детерминизму пришло представление о вероятном влиянии более ранних фаз эволюции на более поздние; произошло смещение фокуса научных интересов с эволюции человечества в целом к процессам в рамках отдельных культур, сообществ; большее внимание стало уделяться роли людей и их осознанных действий в историческом процессе; произошел пересмотр прежнего представления о линейном характере эволюции, в частности, за счет использования идей многолинейной (Дж. Стюард), общей и частной эволюции (Э. Сервис) или альтернативных сценариев развития (Г. и Дж. Ленски). Что касается направленности изменений, то неозволюционизм отдает предпочтение безоценочным тезисам о росте социальной интеграции, адаптивных возможностей или степени дифференцированности и комплексности общественной организации. Неозволюционизм остается сегодня функционирующей теорией, продолжающей развиваться, наиболее популярной среди антропологов, т.е. специалистов, занимающихся архаичными обществами.

В то время, когда неозволюционизм уже приобрел зрелую форму, произошло рождение модернизационной парадигмы. Последняя была сформулирована в середине XX в. в условиях распада европейских колониальных империй и появления «молодых наций» в Азии и Африке,

вставших перед проблемой выбора путей дальнейшего развития. Собственно программа модернизации (ускорения перехода от традиционности к современности) была предложена учеными и политиками США и Западной Европы странам Третьего мира в качестве альтернативы коммунистической ориентации. Во второй половине 1950 — начале 1960-х гг. различные аналитические течения и теоретические традиции объединились в единую междисциплинарную компаративную перспективу (теория, или точнее теории, модернизации), которая казалась особенно полезной для обеспечения толчка в развитии стран Третьего мира. В дальнейшем, на протяжении второй половины XX века, в рамках модернизационной перспективы был накоплен значительный теоретико-методологический и эмпирический опыт изучения различных аспектов, в том числе исторических, перехода от традиционного к современному, индустриальному обществу.

В целом модернизационной парадигме 1950—1960-х гг., которую можно назвать классической, было присуще фокусирование исследовательского интереса на проблематику развития, факторов и механизмов перехода от традиционности к современности; проведение анализа преимущественно на страновом, национальном уровне; использование в качестве ключевых понятий традиция и современность, оперирование эндогенными переменными, такими как социальные институты и культурные ценности; положительная оценка самого процесса модернизации как прогрессивного и перспективного, существенно расширяющего потенциал человеческих возможностей.

В рамках созданной модели процесс модернизации рассматривался как всеобъемлющий, связанный с «революционными» по значимости, радикальными трансформациями моделей человеческого существования и деятельности. Модернизации присваивался признак комплексности, что означало несводимость ее к какому-либо одному измерению. Сторонники классической версии теории модернизации признавали, что переход от традиционности к современности вызывает изменения практически во всех областях человеческой мысли и поведения, порождая процессы структурно-функциональной дифференциации, индустриализации, урбанизации, коммерциализации, социальной мобилизации, секуляризации, национальной идентификации, распространения средств массовой информации, грамотности и образования, становления современных политических институтов, рост политического участия. В рамках данного подхода модернизация рассматривалась как системный имманентный процесс, интегрировавший в связное целое факторы и атрибуты модернизации. Модернизация характеризовалась как глобальный процесс, который обеспечивается как распространением современных идей, институтов и технологий из европейского центра по всему миру, так и эндо-

генным развитием неевропейских сообществ. Процесс модернизации изображался как линейный; соответственно, все общества можно было распределить вдоль оси, идущей от традиционности к современности (в связи с этим данную модель возможно определить как линейную). Представители классической версии рассматривали процесс модернизации как эволюционный, протяженный по скорости осуществления «революционных» изменений; предполагалась стадильность модернизации, которая должна была осуществляться в рамках определенных стадий или фаз. В рамках данной модели модернизация рисовалась как необратимый и прогрессивный процесс унификации, постепенной конвергенции обществ. Таким образом, классическая теоретическая схема требовала рассмотрения модернизации как единого универсального восхождения обществ от недостаточной развитости (традиционности) к современности и развитости по одним и тем же стандартным ступеням стадий.

Как это ни парадоксально, но классическая модернизационная парадигма действительно опиралась на эволюционизм XIX в., наряду с функционализмом (в парсонсианской структуралистской модификации середины XX в.), а не на синхронные неэволюционистские разработки, в рамках которых уже произошел отказ от ряда дискредитировавших себя теоретических постулатов и было предложено более гибкое и историчное видение социальной реальности. Вероятно, это можно объяснить тем, что, во-первых, группы исследователей, разрабатывавших неэволюционистские и модернистские подходы, не совпадали; во-вторых, различными были объекты их анализа (преимущественно ранние общества в первом случае и первоначально в основном общества Третьего мира – во втором); в-третьих, различались интенции представителей указанных подходов (фундаментально-теоретические в первом случае и первоначально политико-прагматические – во втором; необходимо отметить, что прагматизм был присущ в полной мере и начальному классическому эволюционизму – стоит вспомнить, например, О. Конта). Конечно, имелись определенные различия между эволюционизмом и модернизационными штудиями классического периода. Формат последних был более узким (лишь переход от традиционности к современности) по сравнению с форматом эволюционистского подхода (вся история человечества). Если фокус эволюционизма был направлен на человеческое сообщество в целом, то модернистские исследования выполнялись преимущественно на национально-страновом уровне. Однако, наличие очевидных параллелей между указанными подходами обнаруживается без труда. И в том, и в другом случаях процесс эволюции трактовался как прогрессивный, постепенный, пошажный, непрерывный, имманентный, унифицированный, стадильный. В основе модернизационной схемы лежал дихотомический принцип радикального противопоставления традиционного («агрикуль-

турного») и современного («индустриального») обществ, детально разработанный в рамках эволюционного подхода XIX в. (Г. Спенсер, Ф. Теннис, Э. Дюркгейм, Г. Мэн). Механизм структурно-функциональной дифференциации рассматривался как основополагающий как в эволюционизме (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм), так и в модернизационной парадигме (Н. Смелзер). Обоим подходам было присуще системно-структурно-функционалистское видение общества, в основе чего лежала, видимо, органическая метафора, внедренная, в частности, в модернизационную парадигму через структурный функционализм Т. Парсонса.

Что касается дальнейшей жизни модернизационной парадигмы, то она в определенном смысле повторяла (самостоятельно, без особого воздействия со стороны неозволюционизма) путь от эволюционизма к неозволюционизму (для модернизационной парадигмы его аналогом явился неомодернизационный анализ): для сторонников модернизационного подхода стала очевидной необходимость учета социокультурного контекста модернизации, получили признание идеи многовариантного и циклического характера модернизации, влияния на ее результаты международного контекста; в теоретическую модель был включен фактор исторической случайности; на фоне угасания интереса к анонимным законам эволюции возросло внимание к роли социальных акторов, обладающих возможностью трансформировать исторические ситуации; пересмотру подверглось прежнее жесткое представление о системном характере процесса модернизации, на смену которому пришло понимание разноректорного поведения различных социальных сегментов в контексте модернизационного перехода. Все указанные теоретические новации способствовали превращению первоначально односторонней и абстрактной теоретической модели классического периода, не игравшей существенной роли в историко-эмпирических исследованиях, в многомерную и эластичную по отношению к эмпирической реальности научно-исследовательскую программу.

Но, учитывая высокую степень схождения теоретических основ неозволюционизма и неомодернизационного анализа, представляется продуктивным более внимательно посмотреть на возможность взаимодействия и взаимообогащения данных теоретических перспектив. В частности, рассмотрение в контексте модернизационного анализа разработанных в рамках неозволюционизма идей общего и специфического развития (например, при решении вопроса о позиционировании тоталитарных режимов или социалистических общественных систем, также являющихся продуктами эпохи модерна), альтернативных вариантов развития, макро- и микропроцессов и т.д. может способствовать дальнейшему совершенствованию модернизационного анализа и устранению теоретических проблем, возникающих перед ним.